

Праздник фонарей наступил довольно скоро. В тот самый день голубое небо было безоблачным и ярким. Случилось так, что в то утро заседания императорского суда не было. В первой половине дня министры отдыхали дома, а когда солнце достигало высшей точки, они гуляли с императором по императорскому саду.

Гу Юаньбай вздремнул до полудня. После того как он умылся и пообедал, служители уже ждали снаружи.

Императорский спальный дворец приготовил новую одежду для весеннего сезона. Гу Юаньбай выбрал серповидную белую неформальную одежду, расшитую золотыми узорами дракона. Сверху он тоже надел синий меховой плащ. С улыбкой на лице он вышел из Императорского спального дворца.

После весеннего дождя несколько дней назад в саду расцвело множество чудесных цветов и редких растений. Дворцовые слуги старательно ухаживали за ними днем и ночью. Многие деревья, которые не должны были быть зелеными в это время года, также были полны жизненной силы.

Солнце сегодня было хорошее. Дворцовые слуги разбрызгивали воду заранее. Нежные цветы с каплями воды на них были в своем самом прекрасном времени.

Императора окружали родственники по клану и министры, а дети, привезенные министрами, следовали сзади. Никто не мог увидеть императора, даже краешек его одежды.

Сюэ Юань последовал за этими министрами. Он и Чан Юйянь шли вместе медленно, не торопясь. Они выглядели так, словно наслаждались цветами.

Увидев, что вокруг не так уж много людей, Чан Юйянь спросил: "Где носовой платок, который ты подобрал?"

Сюэ Юань заложил руки за спину. У него была прямая осанка и красивое лицо, напускающее на себя важный вид. - Он сгорел дотла.

Чан Юйянь насмешливо сказал: Я думал, ты воспользуешься сегодняшним днем, чтобы вернуть платок его первоначальному владельцу.

Сюэ Юань выглядел так, словно услышал какую-то забавную шутку. - Когда дело касается моей руки, она моя. Зачем мне его возвращать?

Когда Чан Юйянь собрался заговорить, впереди него раздалось много шума. Оказалось, что на Дарена внезапно снизошло вдохновение, и он сочинил качественную оду весне, вызвавшую небольшой прилив в атмосфере.

Сбоку дворцовый слуга записал его, а затем прочитал вслух. Услышав это, Чан Юйянь зааплодировал и похвалил: "Хорошее стихотворение!"

Сюэ Юань: "Твой отец указал, что ты должен появиться сегодня. Разве вы не хотите воспользоваться этой возможностью, чтобы прочитать свое стихотворение?"

Чан Юйянь только покачал головой. Уголки губ Сюэ Юаня приподнялись. Он отступил на шаг и поднял ногу, чтобы пнуть Чан Юйяня. Чан Юйянь, пошатываясь, двинулся вперед. Некоторые Дарены узнали его, улыбнулись и уступили ему дорогу: "Если речь идет о поэзии, то младший из семьи Чан не может пропустить это".

Он был потрясен и быстро взял себя в руки. Он почтительно подошел к императору и отдал честь: “Я был груб. Приветствую вас, ваше величество.”

Гу Юаньбай внимательно посмотрел на грациозного, но не эффектного брата гунцзы, стоявшего перед ним. - Ты Чан Юянь?

Голова Чан Юяня опустилась ниже: “Да.”

Этот Чан Юянь был также интересным человеком и известным талантливым ученым в столице. Две вещи в нем заставили Гу Юаньбая вспомнить его. Один из них был в день его церемонии надевания шапки, когда его преданные поклонники осадили резиденцию Чанга. Некоторые люди пытались перелезть через стену, что в конечном итоге привело к тому, что местные власти послали войска для их ареста. Еще одна вещь имела какое-то отношение к Гу Юаньбаю. Чан Юянь однажды написал тринадцать стихотворений за один раз, чтобы высмеять влиятельных чиновников, которые игнорировали страдания народа. Он не только намекнул на Лу Фэна, могущественного министра, но и обвинил его в неспособности стать императором.

Разговорная речь переводилась следующим образом: “Вы, люди, имеющие такой прямой доступ к высшей власти, озабочены только своими мелкими корыстными интересами, но равнодушны к простому народу. Заставляя всех бедных людей в стране обеспечивать вас, великих лордов, которые только и умеют, что есть хорошую еду и носить причудливые одежды. По-моему, вы все пряные цыплята *.”

* значит мусор

Эти тринадцать стихотворений заставили его оскорбить большую группу людей в столице, и его отца понизили в должности. Этот парень снова начал сочинять стихи, когда жара кончилась. Однако после этой битвы репутация Чан Юяня стала еще более широко известна

При этой мысли Гу Юаньбай улыбнулся еще шире. “У тебя тоже есть стихи, чтобы представить?”

Какие бы оды или стихи ни писал Чан Юянь, все они были великолепными литературными произведениями. Более того, он был знаменит и удивительно похож на талантливого человека, способного возбуждать общественное мнение. Гу Юаньбаю просто не хватало таланта общественного мнения, который мог бы восхвалять его добродетель, держать его в самом высоком моральном положении и открывать путь для его политики.

У Чан Юяня пересохло во рту. Он приготовил стихотворение, которое написал перед экскурсией по саду. Но поэму он сочинил намеренно. Это было также сатирическое произведение, похожее на “ворота богатого запаха мяса и вина, в то время как замерзшие тела лежат у обочины дороги”.

Сначала он подумал, что если бы отец попросил его написать стихотворение перед императором, он бы осмелился его прочесть.

Гу Юаньбай увидел, что он необщителен, и засмеялся: “Встань прямо и расправь голову”.

Чан Юянь подсознательно последовал его примеру. Он поднял глаза и увидел, что император смотрит на него с улыбкой.

Император посмотрел на него с восхищением и сказал стоявшим рядом министрам: “Молодые таланты моего Великого Хэ, каждый из них-красивый человек с неукротимым духом”.

Уши Чан Юяня мгновенно покраснели, только чтобы почувствовать чувство стыда в своем сердце.

Министры рассмеялись и сказали: “Младший из семьи Чан обладает талантом Ученого номер Один*”.

* титул, присвоенный тому, кто набрал высший балл на высшем императорском экзамене.

Как только он услышал, что министры хвалят его сына, его серьезное и серьезное лицо невольно улыбнулось.

Что бы ни говорил император, министры следовали за ним с похвалами. Гу Юаньбай улыбался, слушая слова министров. Его подбородок почти зарылся в мех плаща.

Чан Юйянь не осмеливался взглянуть прямо на священное лицо. Он слегка наклонил голову и уставился на подбородок императора.

Император был стройным, но очень худым. На подбородке у него было не так уж много мяса, но фигура была приятной. Чан Юйянь вспоминал, как те мужчины в шелковых одеждах в столице приставали к добрым женщинам, им нравилось держать такой подбородок, а потом слегка приподнимать его.

Нет, император-мужчина. Чан Юйянь, почему ты теряешься в разных фантазиях и рассуждениях?

Если эти люди в шелковых одеждах осмелятся схватить императора за подбородок, они будут обезглавлены, а их имущество конфисковано в следующую секунду.

Чан Юянь содрогнулся от холода. Про себя он горько плакал и ворчал на Сюэ Юаня. Почему он пнул меня?

“Юйянь?” - крикнул император. - Какие стихи вы сочинили?

Сердце Чан Юяня подскочило к горлу. Он повернул голову в сторону и с первого взгляда увидел многослойные цветы сливы.

В его сознании возникла вспышка вдохновения: “Мое стихотворение-ода цветению сливы.”

Чан Юйянь прижал к сердцу предыдущее сатирическое стихотворение, написанное заранее, и продекламировал стихотворение экспромтом. Последние две фразы восхваляли весеннее солнце и нынешнюю династию.

Гу Юань кивнул головой и сказал с улыбкой: “Совершенно гениально”

Как и прежде, глаза Чан Юйяня уставились на подбородок императора. На этот раз он был немного встревожен. Как только он поднял глаза, он увидел бледные губы императора.

Губы не были ни тонкими, ни толстыми, с приподнятыми уголками, как будто они естественно

улыбались.

Гу Юаньбай подумал, что этот младший совсем не плох. Раньше Гу Юаньбай считал его безрассудным юношей, когда увидел тринадцать стихотворений, которые он написал, но не ожидал, что там будет что-то еще.

Он подозвал Чан Юяня к себе, чтобы тот сопровождал его. Они гуляли, останавливались в саду и время от времени разговаривали. Министры вокруг императора смотрели на Чан Юяня, не понимая, как этот младший привлек внимание императора.

<http://bllate.org/book/15154/1338789>